Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате

Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате, ночи 20-22
Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате, ночи 23-24

Знай, о повелитель правоверных, - начал Джафар, - что в минувшие времена был в земле египетской султан, справедливый и верный, который любил бедняков и проводил время с учеными; и у него был везирь, умный и опытный, сведущий в делах и управлении. Он был дряхлый старик и имел двух детей, подобных двум лунам, которым не было равных по красоте и прелести; и имя старшего было Шамс-ад-дин Мухаммед, а младшего

звали Нур-ад-дин Али. И младший больше старшего выделялся красотою и прелестью, так что даже в некоторых странах прослышали о нем и приезжали в земли этого султана, чтобы посмотреть на его красоту.

И случилось так, что отец их умер, и султан опечалился о нем и обратил внимание на его детей, и приблизил их к себе, и наградил их, и сказал им: "Вы на месте вашего отца, пусть же не смущается душа ваша". И они обрадовались и поцеловали перед ним землю и принимали соболезнования по отцу до истечения месяца, а потом вступили в должность везиря, и власть оказалась в их руках, как была в руках их отца, и когда султан хотел путешествовать, один из них уезжал с ним.

И случилось в одну ночь из ночей (а ехать с султаном надо было старшему), что они разговаривали, и вот старший сказал младшему: "О брат мой, я хочу, чтобы мы с тобой женились в один вечер". - "Делай, что хочешь, о брат мой, я согласен с тем, что ты говоришь", - отвечал младший, и они согласились на этом, а потом старший сказал своему брату: "Если определит так Аллах, мы возьмем в жены двух девушек и войдем к ним в одну и ту же ночь, и они родят в один день, и если Аллах пожелает, твоя жена принесет мальчика, а моя - девочку, и мы поженим их друге другом, и они станут мужем и женой". - "О брат мой, - спросил тогда Нур-ад-дин, что ты возьмешь от моего сына в приданое за твою дочь?" И Шамсад-дин отвечал: "Я возьму за мою дочь у твоего сына три тысячи динаров, три сада и три деревни, и если юноша составит брачную запись без этого - не будет хорошо". - "Что это за условие для приданого моего сына? - воскликнул Нур-ад-дин, услышав эти слова. - Не знаешь ты, что ли, что мы братья и что мы оба, по милости Аллаха, везири и занимаем одно и то же место? Тебе бы следовало предложить твою дочь моему сыну без приданого, а если уже приданое необходимо, назначить скольконибудь, напоказ людям. Ты же знаешь, что мужской пол достойней женского, а мое дитя мужского пола, и нас будут вспоминать из-за него в противоположность твоей дочери". - "А что же в ней плохого?" - спросил Шамс-аддин. И Нур-ад-дин сказал: "Нас не будут поминать ради нее среди эмиров. Но ты хочешь поступить со мной так же, как кто-то поступил с другим. Говорят, что кто-то пришел к одному своему другу и обратился к нему с просьбой, и тот сказал: "Во имя Аллаха, мы удовлетворим твою просьбу, но только завтра". И тогда просивший в ответ произнес:

"Бывает, когда нужда до завтра отсрочена,

Понятливый знает уж, что прогнан бесславно он".

"Я вижу, ты дуришь и превозносишь своего сына над моей дочерью, сказал ему Шамс-ад-дин. - Без сомнения, ты скудоумен и нет в тебе учтивости. Ты упоминаешь о разделении везирства, но я допустил тебя быть со мной везирем только из жалости к тебе, чтобы ты мне помогал и был мне пособником и чтобы не огорчить тебя. И раз ты говоришь подобные слова, клянусь Аллахом, я не отдам свою дочь за твоего сына, хотя бы ты дал столько золота, сколько она весит".

И Нур-ад-дин, услышав слова своего брата, рассердился и воскликнул: "Я тоже не женю своего сына на твоей дочери". Шамс-ад-дин сказал: "Я не соглашусь, чтобы оп был ее мужем! Если бы мне не надо уезжать, я бы проучил тебя как следует, но когда я вернусь из поездки, смотри! Я покажу тебе, чего требует мое достоинство!"

Услышав слова своего брата, Нур-ад-дин исполнился ярости, и все в мире исчезло для него, но он скрыл, что с ним происходит, и каждый из них провел ночь в отдалении от другого. А когда настало утро, султан выступил в путь и поехал в Гизе [40] направляясь к пирамидам, и везирь Шамс-ад-дин сопутствовал ему.

Что же касается до его брата Нур-ад-дина, то он провел эту ночь в наисильнейшем гневе, а когда наступило утро, он встал, совершил утреннюю молитву и отправился в свою сокровищницу и взял оттуда маленький мешок, который наполнил золотом. И он вспомнил слова своего брата и свое унижение перед ним и произнес такие стихи:

"Пространствуй - в пути найдешь замену покинутым.

Работай - ведь лишь в труде жизнь кажется сладкою,

Ни чести, ни счастья я не вижу на родине,

Лишь горе, - смени же край родной на чужбину ты.

Я вижу, что портится вода неподвижная:

Течет коль - вкусна она, когда ж не течет - дурна.

Если бы не пряталась луна, то не стали бы

Всечасно искать ее глаза наблюдающих"

Не выйдя из логова, не встретит добычи лев.

И только расставшись с луком, в цель попадет стрела"

И золото, точно прах, лежит в своих россыпях,

А дерево райское на родине - как дрова.

Иное в чужой стране желанным является,

Иное в чужой стране дает больше золота"".

А окончив эти стихи, Нур-ад-дин приказал одному из своих слуг оседлать нубийского мула стеганым седлом (а это был мул пегий, со спиной высокой, словно возведенный купол, с золотым седлом и стременами из индийской стали и с попоной, достойной Хосроев; и он походил на невесту, с которой сняли покрывало) и приказал положить на него шелковый чепрак и молитвенный коврик, а мешок он подвесил под коврик; и потом он сказал слугам и рабам: "Я хочу прогуляться за городом и поеду в сторону аль-Кальюбии; [41] я проведу

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
три ночи вне дома, и пусть никто из вас не следует за мною, у меня стеснение в груди". И он поспешно сел на мула, захватив с собою немного пищи, и выехал из Каира, направляясь в пустыню; и не настал еще полдень, как он уже приехал в город Бельбейс. И он сошел с мула и отдохнул и дал передохнуть мулу, и добыв в Бельбейсе немного пищи, съел ее, а потом захватил из Бельбейса еды и корма для мула и направился в пустыню.

И когда наступила ночь, он уже въехал в город, называемый ас-Саидия [42], и остался там на ночь и поел немного еды, а потом он положил под голову мешок, расстелил ковер и лег спать в помещении почтовой станции, и его одолевал гнев.

И он провел ночь в этом месте, а когда настало утро, он сел на мула и погонял его, пока не прибыл в город Халеб [43], и остановился на каком-то постоялом дворе. И он провел там три дня и отдохнул и дал отдых мулу и погулял, а потом решил ехать дальше и сел на мула и выехал, не зная, куда направиться. И он ехал до тех пор, пока но достиг города Басры, сам того не зная, и остановился на постоялом дворе. И он снял с мула мешок и расстелил ковер и отдал мула в сбруе привратнику, чтобы он поводил его. И привратник взял мула и стал его водить.

И случилось так, что везирь Басры сидел у окна своего дворца и увидел мула и пенную сбрую, которая была на нем, и решил, что это мул из свиты султана, на каких ездят везири или цари. И он стал думать об этом и пришел в недоумение и сказал кому-то из своих слуг: "Приведи ко мне этого привратника".

И слуга пошел и привел привратника к везирю, и привратник выступил вперед и поцеловал землю, и везирь (а он был глубокий старец) спросил привратника: "Кто владелец этого мула и каковы его приметы?" - "О господин мой, - отвечал привратник, - владелец этого чада - юноша, прекрасный чертами; он обладает величием и достоинством и принадлежит к детям купцов". Услышав эти слова привратника, везирь быстро поднялся и отправился на постоялый двор и приехал к юноше; и когда Нур-ад-дин увидел, что везирь направляется к нему, он поспешно встал и встретил его и поздоровался с ним. И везирь приветствовал его, и сошел с коня и обнял Нур-аддина, и посадил его рядом с собой и сказал: "О дитя мое, откуда ты прибыл и чего ты хочешь?" - "О владыка, - отвечал Нур-ад-дин, - я прибыл из города Каира. Я был сыном тамошнего везиря, и отец мой переселился к милости Аллаха великого". И Нур-ад-дин рассказал везирю о том, что с ним случилось, от начала до конца, и добавил: "Я решил ни за что не возвращаться, пока не объеду все города и страны".

"О дитя мое, - сказал везирь, услышав его речи, - не слушайся своей души: ты ввергнешь себя в опасность. Земли в запустении, и я боюсь для тебя последствий злой судьбы".

Потом он положил мешок Нур-ад-дина на своего мула и, захватив чепрак и коврик, взял Нур-ад-дина с собой в свой дом. Он поселил его в нарядном помещении и оказал ему уважение и милость, и почувствовал к нему сильную любовь, и сказал ему: "О дитя мое, я стал старым человеком, и у меня нет детей мужского пола, но Аллах послал мне дочь, равную тебе по красоте. Я не допустил к ней многих женихов, но любовь к тебе запала мне в сердце; не согласишься ли ты взять мою дочь себе в служанки, чтобы она ходила за тобою, а ты был ей мужем? Если ты согласен на это, я пойду с тобою к султану Басры и скажу: "Вот сын моего брата", - и приведу к тому, что ты будешь назначен везирем на мое место, а я сам стану сидеть дома; я старый человек".

Услышав слова везиря Басры, Нур-ад-дин опустил голову и сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И везирь обрадовался и приказал своим слугам поставить ему еды и украсить большую приемную комнату, где обычно справлялись свадьбы эмиров. Потом он собрал своих друзей и пригласил вельмож царства и басрийских купцов и, когда они явились, сказал им: "У меня был брат, везирь в египетских землях, и Аллах послал ему двух сыновей, а мне, как вы знаете, Аллах послал дочку. И мой брат завещал мне выдать мою дочь замуж за одного из его сыновей, и я согласился на это; и когда настало время выдавать дочку замуж, он прислал одного из своих сыновей, вот этого юношу, что присутствует здесь. И по прибытии его ко мне я решил написав его брачный договор с моей дочкой, и он войдет в мой дом, так как он лучше, чем кто-нибудь чужой. А после этого если он захочет, то останется со мной, а если пожелает уехать, я отправлю его с моей дочерью к его отцу".

И все сказали: "Ты отлично решил!" - и посмотрели на юношу, и он им понравился, когда его увидели. И везирь призвал свидетелей и судей, и написали брачную запись, и зажгли куренья, и выпили сладкого питья, и побрызгали розовой водой, и ушли, а везирь велел своим слугам взять Нур-ад-дина и свести его в баню. И он дал Нур-ад-дину платье из своих собственных одежд и послал ему полотенца, чашки, курильницы и то, что ему было нужно; и когда Нур-ад-дин вышел и надел одежду, он стал подобен луне в четырнадцатую ночь месяца. И, выйдя из бани, Нур-ад-дин сел на мула и ехал, не останавливаясь, до дворца везиря, и, войдя к везирю, поцеловал ему руки, и везирь приветствовал его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать первая ночь

Когда же настала двадцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь поднялся навстречу Нур-ад-дину и приветствовал его и сказал: "Войди сегодня вечером к твоей жене, а завтра я отправлюсь с тобою к султану, и я ожидаю для тебя от Аллаха всякого блага". И Нур-ад-дин поднялся и вошел к своей жене, дочери везиря.

Вот что было с Нур-ад-дином. Что же касается его брата, то он, путешествуя с султаном, отсутствовал некоторое время, а вернувшись, не нашел брата. И он стал расспрашивать о нем слуг, и ему сказали: "В тот день, как ты уехал с султаном, он сел на мула, украсив его праздничной сбруей, и сказал: "Я еду в сторону аль-Кальюбии и пробуду в отсутствии день или два. Моя грудь стеснилась, пусть никто за мной не следует!" И со дня его отъезда до сегодняшнего дня мы ничего о нем не слышали".

И Шамс-ад-дин расстроился из-за разлуки с братом и был сильно огорчен его исчезновением и сказал про себя: "Все это только из-за того, что я на него накричал в тот вечер! Он принял это к сердцу и уехал путешествовать. Непременно надо послать за ним следом!"

И он пошел и осведомил об этом султана, и тот написал грамоты и послал почтовых гонцов к своим наместникам во всех землях, а Нур-ад-дин за те двадцать дней, что они отсутствовали, уехал в далекие страны, и его искали, но не напали на слух о нем и вернулись.

И Шамс-ад-дин отчаялся найти брата и сказал: "Я преступил границы в своем разговоре с братом относительно брака наших детей. О, если бы этого не случилось! Все это произошло по моему малоумиюи непредусмотрительности".

И через короткое время он посватался к дочери одного из каирских купцов и написал брачную запись и вошел к своей жене. И случилось так, что ночь свадьбы Шамсад-дина и его жены была той ночью, когда Нур-ад-дин вошел к своей жене, дочери везиря Басры, - и это произошло по воле Аллаха великого, дабы осуществился над тварями его приговор.

И стало так, как братья говорили: их жены понесли от них, и жена Шамс-ад-дина, везиря Каира, родила дочь, лучше которой не было видано в Каире, а жена Нур-аддина родила мальчика, прекраснее которого не видали в его время, как сказал о нем поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его

В темноту и свет весь род людской повергают.

Не кори его ты за родинку на щеке его:

Анемоны все точка черная отмечает.

А другой сказал:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда красу привели бы, чтоб с ним сравнить,

В смущенье бы опустила краса главу.

А если бы ее спросили: "Видала ль ты

Подобного?" - то сказала б: "Такого? Нет!"

И Нур-ад-дин назвал его Бедр-ад-дином Хасаном, и дед его обрадовался ему и устроил празднества и трапезы, достойные царских детей. А потом везирь Басры взял Нурад-дина и привел его к султану, и Нур-ад-дин, подойдя, поцеловал перед ним землю. И был он красноречив, тверд сердцем, прекрасен и милостив и произнес такие стихи:

"Да будешь вечно счастлив ты, господин!

Да будешь жив, пока живут мрак и свет.

Когда зайдет о помыслах речь твоих,

То пляшет время и рукоплещет рок".

И султан поднялся им навстречу и поблагодарил Нурад-дина за то, что он сказал, и спросил своего везиря: "Кто этот юноша?" И везирь рассказал ему его историю с начала до конца и сказал: "Это сын моего брата". "Как же он сын твоего брата, а мы ничего о нем не слышали? " - спросил султан. И везирь сказал: "О владыка султан, у меня был брат, везирь в египетских землях, и он умер и оставил двух сыновей, и старший сел на его место везирем, а вот этот, его меньшой сын, прибыл ко мне. А я раньше поклялся, что выдам свою дочь только За него, и когда он приехал, я женил его на ней. Он юноша, а я стал дряхлым стариком, и мой слух сделался плох, и ослабла моя сообразительность, и я хотел бы от владыки нашего, султана, чтобы он поставил его на мое место. Это ведь мой племянник и муж моей дочери, и он достоин сана везиря, так как обладает верностью суждения и предусмотрительностью".

И султан посмотрел на Нур-ад-дина, который пришелся ему по сердцу, и пожаловал ему то, чего хотел везирь. Он выдвинул его в везирстве и приказал дать ему великолепное платье, а кроме того, султан велел ему дать мула из своих личных и назначил ему выдачи и жалованье. И Нур-ад-дин поцеловал султану руку и отправился с тестем в свое жилище, и оба были до крайности обрадованы и говорили: "Это счастливый жребий новорожденного Хасана!" А потом, на следующий день, Нур-ад-дин пошел к царю и поцеловал землю и произнес:

"Будь же счастлив по-новому каждодневно

И успех знай, хоть строит враг тебе козни!

И да будут все дни твои вечно белы,

Дни тех же, кто враги тебе, - вечно черны!"

И султан приказал ему сесть на везирское место; и Нур-ад-дин сел и взялся за дела своей службы и стал разбирать случаи с людьми и их тяжбы, как делают обычно везири, - и султан смотрел на него и удивлялся его поступкам, и уму, и сообразительности, и распорядительности; и он полюбил его и приблизил к себе. А когда собрание разошлось, Нур-ад-дин пошел домой и рассказал своему тестю о том, что было; и старик обрадовался. И Нур-ад-дин продолжал оставаться везирем и не покидал султана ни ночью, ни днем, и султан увеличил ему жалованье и пособия, так что обстоятельства Нур-ад-дина улучшились. И у него появились корабли, ездившие от его имени с товарами, и оказались рабы и невольники, и он возделал много имений, орошенных земель и садов.

А когда его сыну Хасану исполнилось четыре года, скончался старый везирь, отец жены Нур-ад-дина, и Нурад-дин устроил ему великолепный вынос и похоронил его. А после того Нур-ад-дин занялся воспитанием своего сына; и когда тот окреп и ему исполнилось семь лет, он призвал к нему учителя, и поручил ему научить его читать и дать ему образование и хорошо воспитать его. И учитель научил его читать и заставил усвоить полезное в знании, и Хасан повторял Коран в течение многих лет и становился все красивей и стройней, подобно тому, как сказано:

Вот луна, что в небе красы его полной сделалась,

С анемона щек его солнце светит лучистое.

Красотой он всей целиком владеет, и кажется,

Что созданья все красоту свою у него берут.

И учитель воспитал его во дворце его отца, и Хасан, с тех пор как вырос, не выходил из дворца везиря.

И в один день из дней его отец, везирь Нур-ад-дин, взял его и одел в платье из числа роскошнейших одежд и, посадив на мула из числа лучших его мулов, отправился с ним к султану и ввел его к нему. И царь посмотрел на Бедр-ад-дина Хасана, сына везиря Нур-ад-дина, который ему понравился, и полюбил его, а жители царства, когда Хасан проехал мимо них в первый раз, направляясь с отцом к царю, были поражены его красотой и сидели на его пути, выжидая, когда он поедет обратно, чтобы взглянуть на его красоту и прелесть и стройный стан, - как сказано:

Наблюдал однажды, ночной порой, звездочет, и вдруг

Увидал красавца кичливого в одеждах.

И увидел он Близнецов, что щедро рассыпали

Чудеса красот, у него на теле блистающих.

Подарил Сатурн черноту ему его локонов

И от мускуса точки родинок на ланитах.

Яркий Марс ему подарил румянец ланит его,

А Стрелец бросал с лука век его стрелы метко.

Даровал Меркурий великую остроту ем.),

А Медведица - та от взглядов злых охраняла,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
И смутился тут звездочет при виде красот его,

И упал он ниц, лобызая землю покорно.

И судья, увидев Хасана, пожаловал его и полюбил и сказал его отцу: "О везирь, следует и необходимо тебе всегда приводить его с собою!" И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И Нур-ад-дин вернулся со своим сыном домой, и каждый день он поднимался с ним к султану.

А когда мальчик достиг пятнадцати лет, его отец, везирь Нур-ад-дин, заболел и призвал своего сына и сказал ему: "О дитя мое, знай, что здешний мир - обитель проходящая, а будущая жизнь вечна. Я хочу дать тебе коекакие наставления; пойми же, что я скажу тебе, и устреми на это свой разум".

И он принялся учить его хорошему обхождению с людьми и предусмотрительности, а потом Нур-ад-дин вспомнил брата и родные места и земли и заплакал о разлуке с любимыми и вытер слезы и произнес такой стих:

"На разлуку вам жалуясь, что мы скажем?

А когда до тоски дойдем - где же путь наш?

Иль пошлем мы гонца за нас с изъяснением?

Но не может излить гонец жалоб страсти.

Иль стерпеть нам? Но может жить ведь влюбленный,

Потерявший любимого, лишь недолю.

Будет жить он в тоске одной и печали.

И ланиты зальет свои он слезами.

О, сокрытый от глаз моих и ушедший,

Но живущий в душе моей неизменно,

Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой,

Что продлится, пока текут эти годы?

Иль забыл ты вдали уже о влюбленном,

Что довольно уже слез пролил, изнуренный?

Ах! Ведь если сведет любовь нас обоих,

То продлятся упреки наши не мало".

А окончив говорить стихи и плакать, он обратился к своему сыну и сказал: "Узнай, прежде чем я тебя оставлю, что у тебя есть дядя, везирь в Каире, которого я покинул и уехал без его согласия. Я хочу, чтобы ты взял свиток и записал то, что я тебе скажу".

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумажный свиток и стал писать на нем, как сказал ему отец, и Нур-ад-дин продиктовал ему все, что с ним случилось, от начала до конца. И он записал для него время своей женитьбы и день, когда он вошел к дочери везиря, а также время своего прибытия в Басру и встречи с везирем, и то, что ко дню кончины ему было меньше сорока лет. "И вот мое письмо к нему, и Аллах для него после этого мой преемник, закончил он, а затем свернул бумагу и запечатал ее и сказал: О дитя мое, Хасан, храни это завещание, ибо в этой бумажке указано твое происхождение и род и племя, и если тебя постигнет какое-нибудь событие, отправляйся в Египет и спроси там о твоем дяде и узнай дорогу к нему и сообщи ему, что я умер на чужбине тоскующий".

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумагу и свернул ее и зашил в ермолку, между прокладкой и верхом, и намотал на нее тюрбан, плача о своем отце, с которым он расставался молодым. Нур-ад-дин сказал ему: "Я дам тебе пять наставлений. Первое из них: не знайся ни с кем - и спасешься от зла, ибо спасение в уединении. Не посещай никого и не веди ни с кем дел, - я слышал, как поэт говорил:

Уж не от кого теперь любви ожидать тебе,

И если обидит рок, не будет уж верен друг.

Живи ж в одиночестве и впредь никому не верь.

Я дал тебе искренний совет - и достаточно.

Второе: о дитя мое, не обижай никого, не то судьба тебя обидит. Судьба один день за тебя, один день против тебя, и земная жизнь - это заем с возвратом. Я слышал, как поэт говорил:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,

И к людям будь милостив, чтоб милость к себе пришла.

Над всякой десницею десница всевышнего,

И всякий злодей всегда злодеем испытан был.

Третье наставление: блюди молчание, и пусть твои пороки заставят тебя забыть о пороках других. Сказано: кто молчит - спасется, - а я слышал, как поэт говорил:

Молчанье красит, безмолвие охраняет нас,

А уж если скажешь - не будь тогда болтливым.

И поистине, если, раз смолчав, ты раскаешься,

То во сказанном ты раскаешься многократно"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Четвертое: о дитя мое, предостерегу тебя, – не пей вина. Вино – начало всякой ему, вино губит умы. Берегись, берегись, не пей вина, ибо я слышал, как поэт говорил:

Вино я оставил и пьющих его

И стал для хулящих его образцом.

Вино нас сбивает с прямого пути,

И рту отворяет ворота оно.

Пятое наставление: о сын мой, береги деньги, и они сберегут тебя; храни деньги – они сохранят тебя. Не трать без меры – будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей. Береги дирхемы – это целительная мазь, ибо я слышал, как кто-то говорил:

Коль деньги мои скудны, никто не дрожит со мной,

А если побольше их – все люди друзья мне.

Как много друзей со мной за щедрость в деньгах дружат

И сколько, когда их нет, меня оставляют!"

И Нур-ад-дин не переставал учить своего сына Бедр-аддина Хасана, пока не вознесся его дух; и печаль поселилась в его доме, и султан горевал о нем и все эмиры. И его похоронили.

А Бедр-ад-дин пребывал в печали по своему отцу в течение двух месяцев, не садясь на коня, не поднимаясь в диван и не встречаясь с султаном.

И султан разгневался на него и назначил на его меси) кого-то из придворных и посадил его везирем и приказал ему опечатать дома Нур-ад-дина, его владенья и поместья; и новый везирь принялся опечатывать все это и решил схватить его сына, Бедр-ад-дина Хасана, и отвести его к султану, чтобы тот поступил с ним согласно своему решению.

А среди войска был невольник из невольников покойного везиря, и, услышав об этом событии, он погнал своею коня и поспешно прибыл к Бедр-ад-дину Хасану, коюрого он нашел сидящим у дверей своего дома, с печально опущенной головой и с разбитым сердцем. И невольник сошел с коня перед Бедр-ад-дином, поцеловал ему руку и сказал: "О господин мой и сын моего господина, скорее, скорее, пока не постиг тебя рок!" И Бедр-ад-дин встревожился и спросил: "Что случилось?" И невольник сказал: "Султан на тебя разгневался и велел схватить тебя, и беда идет к тебе за мною! Спасай же свою душу!" – "Есть ли у меня еще время войти в дом и взять с собою кое-что из мирского, чтобы поддержать себя на чужбине?" спросил Бедр-ад-дин. И невольник ответил: "О господин мой, поднимайся сейчас же и брось думать о доме! – и он поднялся и произнес:

Спасай свою жизнь, когда поражены горем,

И плачет пусть дом о том, кто его построил.

Ты можешь найти страну для себя другую,

Но душу себе другую найти не можешь!

Дивлюсь я тому, кто в доме живет позора,

Коль земли творца в равнинах своих просторны.

По важным делам гонца посылать не стоит:

Сама лишь душа добра для себя желает.

И шея у львов крепка потому лишь стала,

Что сами они все нужное им свершают".

И Бедр-ад-дин, услышав слова невольника, закрыл голову полой и вышел пешком, и, оказавшись за городом, он услыхал, что люди говорят: "Султан послал своего нового везиря в дом везиря, который скончался, чтобы опечатать его имущество и дома и схватить его сына Бедр-ад-дина Хасана и отвести его к султану, чтобы тот его убил".

И люди опечалились из-за его красоты и прелести, а Бедр-ад-дин, услышав речи людей, пошел наугад, не зная куда идти, и шел до тех пор, пока судьба не пригнала его к могиле его отца.

И он вошел на кладбище и прошел среди могил, а потом сел у могилы своего отца и накинул на голову полу фарджки [44]. А она была заткана золотыми вышивками, и на ней были написаны такие стихи:

О ты, чей лик блистает так

Росе подобен и звездам он,

Да будешь вечно великим ты,

Да не будет славе конца твоей!

И когда он был у могилы своего отца, вдруг подошел к нему еврей, с виду как будто меняла, с мешком, в котором было много золота, и, приблизившись к Хасану басрийскому, спросил его: "О господин мой, что это ты, я вижу, расстроен?" – "Я сейчас спал, – ответил Бедрад-дин, – и видел моего отца, который упрекал меня за то, что я его не навещаю. И я встал испуганный и побоялся, что день пройдет, а я не навещу его и это будет мне тяжело". – "О господин мой, – сказал еврей, – твой отец послал корабли для торговли, и некоторые из них прибыли, и я хочу купить у тебя груз первого из прибывших кораблей за эту тысячу динаров золотом". И еврей вынул мешок, полный золота, отсчитал оттуда тысячу динаров и отдал их Хасану, сыну везиря, и сказал: "Напиши мне записку и приложи к пей печать".

И Хасан, сын везиря, взял бумажку и написал: "Пишущий это, Хасан, сын везиря, продал Исхаку, еврею, весь груз первого из кораблей его отца, который придет, за тысячу динаров и получил плату вперед". И еврей взял бумажку, а Хасан стал плакать, вспоминая, в каком он был величии, и произнес:

"С тех пор как исчезли вы, друзья, – дом не дом мне!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

О нет, и соседи мне теперь не соседи.

Теперь не друзья уж те, кого я там видывал,

И звезды небесные уж ныне не звезды.

Вы скрылись и сделали, исчезнув, весь мир пустым,

И мрачны, как скрылись вы, равнины и земли.

О, если бы ворон тот, чей крик нам разлуку нес,

Гнезда не нашел себе и перьев лишился!

Утратил терпенье я в разлуке и изнурен.

О, сколько в разлуки день спадает покровов!

Посмотрим, вернутся ль к нам те ночи, что минули,

И будем ли мы, как встарь, с тобой в одном доме".

И он горько заплакал, и его застигла ночь, и Бедр-аддин приклонил голову к могиле своего отца, и его охватил сон; и взошла луна, и голова его скатилась с могилы, и он лежал на спине, и лицо его блистало в лучах месяца.

А в могиле обитали правоверные джинны, и одна джинния вышла и заметила спящего Хасана и, увидав его, изумилась его красоте и прелести и воскликнула: "Хвала Аллаху! Поистине, этот юноша должен быть из детей рая!"

И она взлетела в воздух, чтобы полетать кругом, как обычно, и увидела летящего ифрита, который ее приветствовал, и спросила его: "Откуда ты летишь?" - "Оттуда", - ответил ифрит. И джинния сказала: "Не хочешь ли отправиться со мною, взглянуть на красоту юноши, что спит у могилы?" И ифрит молвил: "Хорошо". И они полетели и спустились у могилы, и джинния спросила: "Видал ли ты в жизни кого-нибудь прекрасней этого юноши?"

И ифрит посмотрел на юношу и воскликнул: "Хвала тому, на кого нет похожего! Но если хочешь, сестрица, я расскажу тебе о том, что я видел". "Что же это?" - спросила джинния. И ифрит сказал: "Я видел девушку, подобную этому юноше, в стране египетской: это дочь везиря Шамс-ад-дина. Ей около двадцати лет жизни, и она красива, прелестна, блестяща и совершенна, и стройна станом. И когда она перешла этот возраст, о ней услышал султан в Каире и призвал везиря, ее отца, и сказал ему: "Знай, о везирь, до меня дошло, что у тебя есть дочь, и я хочу посватать ее у тебя".

И везирь ответил: "О владыка султан, прими мои извинения и сжалься над моими слезами. Тебе известно, что мой брат Нур-ад-дин уехал от нас, и мы не знаем, где он, а он был моим товарищем по везирству; и причина его отъезда - гнев, потому что мы сидели с ним и говорили о браке и о детях, и он из-за этого рассердился, а я дал клятву в тот день, как ее родила мать, около восемнадцати лет тому назад, что не выдам свою дочь ни за кого, кроме сына моего брата. А недавно я услышал, что мой брат женился на дочери везиря Басры и от нее родился сын, - и я ни за кого не выдам свою дочь, если не за него, в уважение к моему брату. Я записал, когда я женился, и когда моя жена понесла, и время рождения моей дочери, - и она предназначена сыну своего дяди; а девушек для господина нашего султана много".

Услышав слова везиря, султан сильно разгневался и сказал: "Подобный мне сватает у подобного тебе дочку, а ты не отдаешь ее мне и приводишь жалкие доводы! Клянусь моей головой, я выдам ее замуж лишь за ничтожнейшего из моих слуг наперекор твоему желанию!" А у султана был конюх горбатый, с горбом спереди и горбом сзади, - и султан велел его привести и насильно написал его брачную запись с дочерью везиря и приказал ему войти к ней в ту же ночь и чтобы ему устроили шествие. И я оставил его среди невольников султана, которые зажигали вокруг него свечи и издевались над ним у дверей бани. А дочь везиря сидит и плачет среди нянек и прислужниц, и она больше всех похожа на этого юношу. А отца ее заключили под стражу, чтобы он не пришел к ней. И я не видел, сестрица, никого противнее этого горбуна. А девушка - она красивей юноши..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать вторая ночь

Когда же настала двадцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда джинн рассказал джиннии, что султан написал брачную запись дочери везиря с горбатым конюхом и она " величайшем горе и что не найдется подобного ей красотою, кроме этого юноши, джинния сказала: "Ты лжешь! Этот юноша красивее всех людей своего времени". Но ифрит возразил ей и воскликнул: "Клянусь Аллахом, сестрица, девушка красивее его, но никто не подходит к ней, кроме него, ибо они похожи друг на друга, как родные брат и сестра. Горе ей с этим горбатым!" - "О брат мой, - сказала джинния, - давай поднимем его на себе и понесем его, и полетим с ним к той девушке, о которой ты говоришь, и посмотрим, кто из них красивее". - "Слушаю и повинуюсь! Это правильные слова, и нет мысли лучше той, что ты высказала. Я понесу его", - сказал ифрит и понес Хасана и взлетел с ним на воздух; а ифритка полетела рядом, бок о бок с ним. И они опустились в городе Каире и положили юношу на скамью и разбудили его.

И Хасан пробудился от сна и увидел себя не в Басре и не на могиле отца. Он посмотрел направо и налево, и оказалось, что он действительно в другом городе, не в Басре; и он хотел крикнуть, но ифрит двинул его кулаком. Потом ифрит принес ему роскошную одежду и надел ее на него, и зажег ему свечку, и сказал: "Знай, что это я принес тебя, и я сделаю для тебя кое-что ради Аллаха. Возьми эту свечу и ступай к той бане и смешайся с толпой, и иди с нею до тех пор, пока не достигнешь помещения невесты, и тогда опереди всех и войди в помещение, никого не боясь. А как войдешь, стань справа от горбатого жениха и, когда к тебе станут подходить служанки, певцы и няньки, опускай руку в карман - ты найдешь его полным золота, - забирай полной горстью и кидай всем. И всякий раз, когда сунешь руку в карман, ты найдешь его полным золота. Давай же горстями всякому, кто к тебе подойдет, и ничего не бойся. Уповай на того, кто тебя сотворил, - это все по велению Аллаха".

И, услышав слова ифрита, Бедр-ад-дин Хасан воскликнул: "Посмотри-ка, что это за девушка и какова причина такой милости!"

И он пошел и зажег свечу и подошел к бане, и увидел, что горбун сидит на коне, и вошел в толпу в этом наряде, прекрасный видом (а на нем была ермолка и тюрбан и фарджия, вышитая золотом). И он шел в шествии, и всякий раз, как певицы останавливались и люди кидали им в бубны деньги, Бедр-ад-дин опускал руку в карман и находил его полным золота, - и он брал и бросал его в бубны певиц и наполнял бубны динарами. И умы певиц смутились, и народ дивился его красоте и прелести.

И так продолжалось, пока они не дошли до дома везиря, и привратники стали отгонять людей и не пускать их. Но певицы сказали: "Мы не войдем, если этот юноша не войдет с нами, ибо он осыпал нас милостями. Мы не откроем невесту иначе, как в его присутствии!"

И тогда Хасана ввели в свадебною залу и посадили его на глазах у жениха-горбуна, и все жены эмиров, везирей и придворных выстроились в два ряда, и у каждой женщины была большая зажженная свеча, и они стояли, накинув покрывала, справа и слева от свадебного ложа до портика - возле комнаты, откуда выходит невеста.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда женщины увидели Бедр-ад-дина Хасана, и его красоту, и прелесть, и лицо его, сиявшее, как молодой месяц, все они почувствовали к нему склонность, а певицы сказали присутствовавшим женщинам: "Знайте, что этот красавец давал нам одно только червонное золото. Не упустите же ничего, служа ему, и повинуйтесь ему в том, что он вам скажет". И женщины столпились около Хасана со свечами и смотрели на его красоту и завидовали его прелести; и каждой из них захотелось побыть у него в объятиях час или год. И когда ум покинул их, они подняли с лиц покрывала и сказали: "Благо тому, кому принадлежит этот юноша или над кем он властвует!"

И они стали проклинать горбатого конюха и того, кто был причиной его женитьбы на этой красавице, - и всякий раз, благословляя Бедр-ад-дина Хасана, они проклинали этого горбуна. А затем певицы забили в бубны и засвистали в свирели, - и появились прислужницы, и посреди них дочь везиря; ее надушили и умастили, и одели, и убрали ей волосы, и окурили ее, и надели ей украшения и одежды из одежд царей Хосроев. И среди прочих одежд на ней была одежда, вышитая червонным золотом, с изображением зверей и птиц, и она спускалась от ее бровей, а на шею ее надели ожерелье ценою в тысячи, и каждый камешек в нем стоил богатства, которого не имел тобба [45] и кесарь [46]. И невеста стала подобна луне в четырнадцатую ночь, а подходя, она была похожа на гурию; да будет же превознесен тот, кто создал ее блестящей! И женщины окружили ее и стали как звезды, а она среди них была словно месяц, когда откроют его облака.

А Бедр-ад-дин Хасан басрийский сидел, и люди смотрели на него; и невеста горделиво приблизилась, покачиваясь, и горбатый конюх поднялся, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась и повернулась так, что оказалась перед Хасаном, сыном ее дяди, - и все засмеялись. И видя, что она направилась в сторону Хасана Бедр-ад-дина, все зашумели и певицы подняли крик, а Бедр-ад-дин положил руку в карман и, взяв горсть золота, бросил ее в бубны певицам; и те обрадовались и сказали: "Мы хотели бы, чтобы эта невеста была для тебя". И Хасан улыбнулся.

Вот! И все окружили его, а горбатый конюх остался один, похожий на обезьяну, и всякий раз, как ему зажигали свечку, она гасла, и у него не осталось голоса от крика, и он сидел в темноте, раздумывая про себя.

А перед Хасаном Бедр-ад-дином оказались свечи в руках людей, и когда Хасан увидел, что жених один в темноте и раздумывает про себя, а эти люди стоят кругом и горят эти свечи, он смутился и удивился. Но увидав дочь своего дяди, Бедр-ад-дин Хасан обрадовался и развеселился и посмотрел ей в лицо, которое сиял" светом и блистало, особенно потому, что на ней было надето платье из красного атласа. И прислужницы открыли ее в первом платье, и Хасан уловил ее облик, и она принялась кичиться и покачиваться от чванства и ошеломила умы женщин и мужчин, и была она такова, как сказал поэт:

Вот солнце на тростинке над холмами

Явилось нам в гранатовой рубашке.

Вина слюны она дала мне выпить

И, щеки дав, огнь яркий погасила.

И это платье переменили и одели ее в голубую одежду, и она появилась словно луна, когда луна засияет, с волосами как уголь, нежными щеками, улыбающимися устами и высокой грудью, с нежными членами и томными глазами. И ее открыли во втором платье, и была она такова, как сказали о ней обладатели возвышенных помыслов:

В одеянье она пришла голубом к нам,

Что лазурью на свет небес так похоже,

И увидел, всмотревшись, я в одеянье

Месяц летний, сияющий зимней ночью.

Затем это платье переменили на другое и укрыли ее избытком ее волос и распустили ее черные длинные кудри, и их чернота и длина напоминали о мрачной ночи, и она поражала сердца колдующими стрелами своих глаз.

И ее открыли в третьем платье, и она была подобна тому, что сказал о ней сказавший:

Вот та, что закутала лицо свое в волосы

И стала соблазном нам, а кудри - как жало.

Я молвил: "Ты ночью день покрыла". Она же: "Нет!

Покрыла я лик луны ночной темнотою".

И ее открыли в четвертом платье, и она приблизилась, как восходящее солнце, покачиваясь от чванства и оборачиваясь, словно газель, и поражала сердца стрелами из-за своих век, как сказали о ней:

О, солнце красы! Она явилась взирающим

И блещет чванливостью, украшенной гордостью.

Лишь только увидит лик ее и улыбку уст

Дневное светило - вмиг за облако скроется.

И она появилась в пятой одежде, подобно ласковой девушке, похожая на трость бамбука или жаждущую газель, и скорпионы ее кудрей ползли по ее щекам, и она являла свои диковины и потряхивала бедрами, и завитки ее волос были не закрыты, как сказали о ней:

Явилась она как полный месяц в ночь радости,

И члены нежны ее и строен и гибок стан,

Зрачками прелестными пленяет людей она,

И жалость ланит ее напомнит о яхонте.

И темные волосы на бедра спускаются,

Смотри берегись же змей, волос ее вьющихся.

И нежны бока ее, душа же ее тверда,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
Хотя и мягки они, но крепче скал каменных.

И стрелы очей она пускает из-под ресниц

И бьет безошибочно, хоть издали бьет она.

Когда мы обнимемся и пояса я коснусь,

Мешает прижать ее к себе грудь высокая.

О, прелесть ее! Она красоты затмила все!

О, стан ее! Тонкостью смущает он ивы ветвь!

И ее открыли в шестой одежде, зеленой, и своей стройностью она унизила копье, прямое и смуглое, а красотой своей она превзошла красавиц всех стран и блеском лица затмила сияющую луну, достигнув в красоте пределов желания. Она пленила ветви нежностью и гибкостью и пронзила сердца своими прекрасными свойствами, подобно тому, как сказал кто-то о ней:

О, девушка! Ловкость ее воспитала!

У щек ее солнце свой блеск зеленый

Явилась в зеленой рубашке она,

Подобной листве, что гранат прикрывает.

И молвили мы: "Как назвать это платье?"

Она же, в ответ нам, сказала прекрасно:

"Мы этой одеждой пронзали сердца

И дали ей имя "Пронзающая сердце"

И ее открыли в седьмой одежде, цветом между шафраном и апельсином, как сказал о ней поэт:

В покрывалах ходит, кичась, она, что окрашены

Под шафран, сандал, и сафлор, и мускус, и амбры цвет.

Тонок стан ее, и коль скажет ей ее юность: "Встань!",

Скажут бедра ей: "Посиди на месте, зачем спешить!"

И когда я буду просить сближенья и скажет ей

Красота: "Будь щедрой!" - чванливость скажет:

"Не надо!" - ей.

А невеста открыла глаза и сказала: "О боже, сделай его моим мужем и избавь меня от горбатого конюха!"

И ее стали открывать во всех семи платьях, до последнего, перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийским, а горбатый конюх сидел один; и когда с этим покончили, людям разрешили уйти, - и вышли все, кто был на свадьбе из женщин и детей, и никого не осталось, кроме Бедр-аддина Хасана и горбатого конюха. И прислужницы увели невесту, чтобы снять с нее одежды и драгоценности и приготовить ее для жениха. И тогда конюх-горбун подошел к Бедр-ад-дину Хасану и сказал ему: "О господин, сегодня вечером ты развлек нас и осыпал нас милостями; не встанешь ли ты теперь и не уйдешь ли?" - "Во имя Аллаха!" - сказал Хасан и вышел в дверь; но ифрит встретил его и сказал: "Постой, Бедр-ад-дин! Когда горбун выйдет в комнату отдохновения [47], войди немедля и садись за полог, и как только придет невеста, скажи ей: "Я, твой муж и царь, только потому устроил эту хитрость, что боялся для тебя сглаза, а тот, кого ты видела, - конюх из наших конюхов". И потом подойди к ней и открой ей лицо и скажи: "Нас охватила ревность из-за этого дела!"

И пока Бедр-ад-дин разговаривал с ифритом, конюх вышел и пошел в комнату отдохновения и сел на доски, и ифрит вылез из чашки с водой, в образе мыши, и пискнул: "Зик!" - "Что это такое?" - спросил горбун. И мышь стала расти и сделалась котом и промяукала: "Мяу-мяу!", и выросла еще, и стала собакой и пролаяла: "Вау, вау!"

И, увидев это, конюх испугался и закричал: "Вон, несчастный!" Но собака выросла и раздулась и превратилась в осла - и заревела и крикнула ему в лицо: "Хак, хак!"

И конюх испугался и закричал: "Ко мне все, кто есть в доме!" Но осел вдруг стал расти и сделался величиной с буйвола, и занял все помещение, и заговорил человеческим голосом: "Горе тебе, о горбун, о зловоннейший!"

И у конюха схватило живот, и он сел на доски в одежде, и зубы его застучали друг о друга, а ифрит сказал ему: "На земле тебе тесно, что ли? Ты не нашел на ком жениться, кроме как на моей возлюбленной?"

И конюх промолчал, а ифрит воскликнул: "Отвечай, не то я поселю тебя во прахе". - "Клянусь Аллахом, - сказал конюх, - я не виноват! Они меня заставили, и я не знал, что у нее есть возлюбленные буйволы, и я раскаиваюсь перед Аллахом и перед тобой".

И ифрит сказал: "Клянусь тебе, если ты сейчас выйдешь отсюда или заговоришь прежде, чем взойдет солнце, я убью тебя! А когда взойдет солнце, уходи своей дорогой и не возвращайся в этот дом никогда".

После этого ифрит схватил конюха и сунул его в отверстие головой вниз и ногами вверх, и сказал: "Оставайся Здесь, и я буду сторожить тебя до восхода солнца".

Вот что произошло с горбуном. Что же касается Бедрад-дина Хасана басрийского, то он оставил горбуна и ифрита препираться и вошел в дом и сел за пологом; и вдруг пришла невеста и с нею старуха, которая остановилась в дверях комнаты и сказала: "О отец стройности, встань, возьми залог Аллаха".

Потом старуха повернулась вспять, а невеста взошел за полог на возвышение (а ее имя было Ситт-аль-Хусн) - я сердце ее было разбито, и она говорила в душе: "Клянусь Аллахом, я не дам ему овладеть мною, даже если он убьет меня!" И, войдя за полог, она увидела Бедр-ад-дина и сказала ему: "Любимый, ты все еще сидишь! Я говорила себе, что ты и горбатый конюх будете владеть мною сообща". - "А что привело к тебе конюха и где ему быть моим соучастником относительно тебя?" - сказал Бедрад-дин Хасан. И девушка спросила: "Кто же

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
мой муж: ты или он?"

-

"О Ситт-аль-Хусн, - сказал Бедр-ад-дин, - мы сделали это, чтобы посмеяться над ним: когда прислужницы и певицы и твои родные увидели твою редкостную красоту, твой отец нанял конюха за десять динаров, чтобы отвратить от тебя дурной глаз, и теперь он ушел".

И, услышав от Бедр-ад-дина эти слова, Ситт-аль-Хусн обрадовалась, и улыбнулась, и рассмеялась тихим смехом, и сказала: "Клянусь Аллахом, ты погасил во мне огонь! Ради Аллаха, возьми меня к себе и сожми в объятиях".

А она была без одежды и подняла рубашку до горла, так что стал виден ее перед и зад; и когда Бедр-ад-дин увидел это, в нем заволновалась страсть, и он встал, распустил одежду, а потом он отвязал кошель с золотом, куда положил тысячу динаров, взятую у еврея, завернул его в шальвары и спрятал под край матраца, а чалму он снял и положил на скамеечку и остался в тонкой рубахе (а рубаха была вышита золотом). И тогда Ситт-аль-Хусн поднялась к нему, притянула его к себе, и Бедр-ад-дин тоже привлек ее к себе и обнял ее и велел ей охватить себя ногами, а потом он забил заряд, и пушка выстрелила и разрушила башню, и увидел он, что Ситт-аль-Хусн несверлеиая жемчужина и не объезженная другим кобылица.

И он уничтожил ее девственность и насытился ее юностью, и вынул заряд и забил его, а кончив, он повторил это много раз, и она понесла от него.

И лотом Бедр-ад-дин положил ей руку под голову, и она сделала то же самое, и они обнялись и заснули, обнявшись, как сказал о них поэт в таких стихах:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники!

Ведь против страсти помочь не может завистливый.

И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,

Чем влюбленные, что в одной постели лежат вдвоем.

Обнялись они, и покров согласья объемлет их,

И подушку им заменяют плечи и кисти рук.

И когда сердца заключат с любовью союз навек

По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.

И когда дружит хоть один с тобой, но прекрасный друг"

Проводи ты жизнь лишь с подобным другом и счастлив будь!

О, хулящие за любовь влюбленных - возможно ли

Поправленье тех, у кого душа испорчена?

Вот что было с Бедр-ад-дином Хасаном и Ситт-альХусн, дочерью его дяди. Что же касается до ифрита, то оп сказал ифритке: "Подними юношу и давай отнесем его на место, чтобы утро не застигло нас. Время уже близко". И тогда ифритка подошла и подняла Хасана, когда он спал, и полетела с ним (а он был все в том же виде - в рубашке, без одежды); и она летела, и ифрит рядом с ней, пока утро не застигло их во время пути и муэдзины не закричали: "Идите к преуспеянию".

И тогда Аллах разрешил ангелам метать в ифрита огненные звезды, и он сгорел, а ифритка уцелела. И она опустила Бедр-ад-дина на том месте, где звезды поразили ифрита, и не полетела с ним дальше, боясь за него, а по предопределенному велению они достигли Дамаска сирийского, и ифритка положила Хасана у одних из ворот и улетела. И когда настало утро и раскрылись ворота города, люди вышли и увидели красивого юношу, в рубахе и в ермолке, раздетого, без одежды, и от перенесенной бессонницы он был погружен в сон.

И люди, увидев его, сказали: "Счастлива та, что была возле него сегодня ночью! Что бы ему дотерпеть, пока он оденется!" А кто-то другой сказал: "Несчастные дети родовитых! Этот молодец сейчас вышел из кабака по некоторому делу, но хмель осилил его, и он сбился с пути к тому месту, куда шел, и, дойдя до городских ворот, нашел их запертыми и заснул здесь".

И люди пустились в разговоры о нем. И вдруг ветер подул и поднял его рубашку над животом, и стал виден живот и плотный пупок и ноги и бедра его подобные хрусталю, и люди сказали: "Хорошо, клянемся Аллахом!"

И Бедр-ад-дин проснулся и увидел, что он у ворот города и что подле него люди, и удивился и воскликнул: "Где я, добрые люди, и почему вы собрались? Что у меня с вами случилось?" И ему сказали: "Мы увидели тебя во время утреннего призыва, и ты лежал и спал, и мы не Знаем о твоем деле ничего, кроме этого".

"Где ты спал эту ночь?" - спросили его потом; и Бедр-ад-дин Хасан воскликнул: "Клянусь Аллахом, о люди, я проспал эту ночь в Каире!"

И тогда один человек сказал: "Ты ешь гашиш!" А другой воскликнул: "Ты сумасшедший! Ты ночевал в Каире, л утром ты спишь в городе Дамаске!" И Бедр-ад-дин отвечал: "Клянусь Аллахом, добрые люди, я совсем не лгу вам; вчера вечером я был в Египте, а вчерашний день находился в Басре". "Хорошо!" - сказал кто-то; а другой сказал: "Этот юноша одержимый!" И над ним стали хлопать в ладоши, и люди заговорили друг с другом и сказали: "Горе его молодости! Клянемся Аллахом, в его безумии нет никакого сомнения!" Потом они сказали ему: "Сообрази и приди в разум". И Бедр-ад-дин сказал: "Я вчера был женихом в Египте". - "Может быть, ты грезил и видел все, о чем ты говоришь, во сне?" - спросили его; и Хасан усомнился в самом себе и воскликнул: "Клянусь Аллахом, это не сон, и мне не привиделись грезы! Я пришел, и невесту открывали передо мной, а конюх-горбун сидел тут же. О брат мой, это не сон; а если это сон, то где же кошель с золотом и где мой тюрбан, и мое платье, и одежда?"

И потом он встал и вошел в город и прошел по улицам и по рынкам, и люди толпились вокруг него и шли за ним следом, а он вошел в лавку повара.

А этот повар был ловкий человек, то есть вор, но Аллах привел его к раскаянию в воровстве, и он открыл себе харчевню; и все жители Дамаска боялись его из-за его сильной ярости.

И когда все увидели, что юноша вошел в харчевню, народ рассеялся, боясь этого повара; а когда повар увидел Бедр-ад-дина Хасана и посмотрел на его красоту и прелесть, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил: "Откуда ты, молодец? Расскажи мне твою историю, - ты стал мне дороже, чем моя душа".

И Хасан рассказал ему о том, что случилось, с начала до конца; и повар сказал: "О господин мой Бедр-ад-дин, Знай, что это удивительное дело и диковинный рассказ. Но скрывай, дитя мое, что с тобою было, пока Аллах не пошлет тебе облегчения; живи со мною в этом месте: у

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

меня нет ребенка, и я сделаю тебя своим сыном". - "Хорошо, дядюшка", - сказал Бедр-ад-дин. И тогда повар пошел на рынок и накупил Бедр-ад-дину роскошных платьев и одел его в них, а потом он отправился с ним к кади [48] и объявил, что Бедр-ад-дин его сын. И Бедр-аддин Хасан сделался известен в городе Дамаске как сын повара и стал сидеть у него в лавке и получал деньги, и положение его у повара таким образом упрочилось.

Вот что было с Бедр-ад-дином Хасаном и произошло с ним. Что же касается Ситт-аль-Хусн, дочери его дяди, то, когда взошла заря, она проснулась и не нашла подле себя Бедр-ад-дина Хасана. Она подумала, что он пошел за нуждой, и просидела, ожидая его, некоторое время; и вдруг вошел ее отец, озабоченный тем, что случилось с ним из-за султана, - как тот насильно заставил его выдать дочь за своего слугу, за какой-то горбатый обломок конюха. И он говорил про себя: "Я убью мою дочь, если она дала этому проклятому овладеть собою!"

И, дойдя до ее ложа, он остановился и сказал: "Ситталь-Хусн!" И она ответила: "Я здесь, к твоим услугам, о господин мой!" - и вышла, раскачиваясь от радости, и поцеловала перед ним землю, и ее лицо стало еще светлее и красивее, так как она обнимала того газеленка.

И, увидев, что она в таком состоянии, ее отец сказал ей: "О проклятая, ты радуешься этому конюху!" И она улыбнулась, услышав слова своего отца, и ответила: "Ради Аллаха, довольно того, что вчера случилось! Люди смеялись надо мной и корили меня этим конюхом, не стоящим обрезка ногтя моего мужа. Клянусь Аллахом, я в жизни не знала ночи лучше вчерашней! Не смейся же надо мной и не напоминай мне про этого горбуна".

Услышав ее слова, отец ее исполнился гнева, и глаза его посинели, и он воскликнул: "Горе тебе, что это за слова ты говоришь! Конюх-горбун ночевал с тобою?" Но Ситт-аль-Хасан сказала: "Заклинаю тебя Аллахом, не поминай мне его, да проклянет Аллах его отца, и не строй шуток! Конюха только наняли за десять динаров, и он взял свою плату и ушел, а я зашла за полог и увидела моего мужа, который сидел там, а раньше меня открывали для него певицы, и он оделял всех червонным золотом, так что обогатил бывших здесь бедняков. И я проспала ночь в объятиях моего мужа, ласкового нравом, обладателя черных глаз и сходящихся бровей".

К когда отец ее услышал эти слова, свет покрылся мраком перед лицом его, и он воскликнул: "О нечестивая, что это ты говоришь, где твой разум?" И она ответила: "О батюшка, ты пронзил мое сердце! Довольно тебе тяготить меня! Знай, о муж, что взял мою невинность, и он вошел в комнату отдохновения, а я уже понесла от него".

К тогда ее отец поднялся изумленный и пошел в отхожее место и увидел горбатого конюха, который был соткнут головой в отверстие, а ноги его торчали вверх. И везирь оторопел, у видя его, и воскликнул: "Это не кто иной, как горбун! Эй, горбатый", - сказал он ему. И конюх ответил: "Тагум, тагум", - думая, что с ним говорит ифрит, а везирь закричал на него и сказал: "Говори, а не то я отрежу тебе голову этим мечом!" И тогда горбун сказал: "Клянусь Аллахом, о шейх ифритов, с тех пор как ты меня сюда сунул, я не поднимал головы! Ради Аллаха, сжалься надо мной!" "Что ты говоришь? - сказал везирь, услышав слова горбатого. - Я отец невесты, а не ифрит!" - "Хватит! - отвечал горбун. - Ты собираешься отнять у меня душу, но уходи своей дорогой, пока не пришел к тебе тот, кто сделал со мной это дело. Вы привели меня лишь для того, чтобы женить меня на любовнице буйволов и возлюбленной ифритов. Да проклянет Аллах того, кто меня женил на ней и кто был причиной этого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.